

Третьего брата Хуан звали Хуан Цзымо. Имя у него было изящное, под стать его утонченному облику. Говорили, что он настоящий гений: обычно он не водился со сверстниками, а совершенствовался в ремесле бок о бок со старейшинами рода. Словом, идеальный ребенок из тех, кого вечно ставят в пример.

В тот вечер мы повеселились от души, хотя все в один голос твердили, что пиво — это ерунда и водка куда лучше. Мне от этого сделалось немного неловко. И дело было вовсе не в экономии: просто от водки на следующее утро раскалывается голова и невозможно подняться, а с пивом можно спокойно посидеть и поболтать.

Наутро Хуэй Сяобао вернул мне мой список вузов с подробными пометками. Написаны они были чернилами, но буквы выходили такими твердыми, размашистыми и изящными, словно их высекали на камне.

Уже позже я узнал, что это была рука самого Шестого господина Ху.

Взвесив все за и против на основе этих записей, я выбрал Ляонинскую академию изящных искусств — Ляомэй, решив поступать на отделение станковой масляной живописи. Для подстраховки набросал еще несколько вариантов попроще: провинциальный институт искусств и художественный факультет Северо-Восточного педагогического университета.

Хуэй Сяобао подмигнул мне и сказал, что в дни экзаменов его Третий господин Хуэй временно превратит мою денежную удачу в везение в учебе. С такой поддержкой я просто обязан был превзойти самого себя.

Тогда я никак не мог взять в толк, откуда у меня вообще взялась денежная удача — в моем кармане отродясь не водилось больше ста юаней.

Однако стоило начаться экзаменам, как я на собственной шкуре прочувствовал, что значит поговорка «потерять богатство, чтобы отвести беду».

Сначала в автобусе у меня стащили кошелек. Слава богу, экзаменационный пропуск лежал в другом месте, иначе я бы там же и разрыдался. Потом я умудрился налететь на лоток с фруктами, а под конец проезжавший мимо велосипед зацепил и порвал мою куртку. В общем, тратиться пришлось на каждом шагу.

Зато сами экзамены прошли как по маслу. Мало того что мне досталось отличное место с прекрасным обзором, так еще и соседи по аудитории рисовали откровенно слабо, на их фоне мои холсты выглядели просто шедеврами.

Когда пришли результаты творческих испытаний, выяснилось, что я прошел во все выбранные вузы. На радостях я не поскупился на две сочные жареные курочки и передал их через Хуэй Сяобао в качестве скромной благодарности моим невидимым покровителям.

Закончив с творческими экзаменами и встретив Новый год, я вернулся к обычным школьным урокам. До единого государственного экзамена оставалось всего несколько месяцев, и весь класс замер в последнем отчаянном рывке. До этого я проучился с ними от силы месяца два и толком ни с кем не сошелся. Теперь, когда я вернулся, на меня почти никто не обращал внимания. После бурной и веселой жизни в художественной студии, где я чувствовал себя как рыба в воде, на душе скребли кошки.

Впрочем, какая разница? Я ведь уже практически стоял одной ногой на пороге университета.

В жаркий июльский день, когда пришла пора сдавать экзамены, меня провожала вся семья. Отец вел старенькую подержанную «Сантану», которую мы только-только купили, а на заднем сиденье устроились мама и Чжоу Сяосяо. Мы выехали на рассвете.

Тот день врезался мне в память во всех подробностях. Я впервые увидел своего сурового батю таким: он крепился изо всех сил, пряча подступающие слезы. Глядя на родителей, я только делал вид, что раздосадован их чрезмерной опекой, но стоило отвернуться, как у самого глаза повлажнели.

Наш старый хрен в те дни переживал, кажется, больше меня. Даже курить бросил, лишь бы не мешать мне готовиться. Жалко его было до слез.

Как только с экзаменами было покончено, еще до оглашения результатов, я пустился во все тяжкие. До дома меня было не дозваться. Днем я пропадал у Старшего дяди, изображая вожака местной детворы на речке и в горах, а по вечерам мы с Хуэй Сяобао отправлялись в гости к его знакомым духам.

Здесь надо пояснить, что здешние духи-покровители, которых на Северо-Востоке уважительно зовут бессмертными, делятся на пять внутренних и пять внешних семейств, а также на духов Чистого ветра и предков-настоятелей.

Говоря о Чистом ветре, я просто обязан вспомнить того дядю в сияющих золотых доспехах, с которым свела меня судьба много лет назад. А случилось вот что.

За день до публикации результатов экзаменов Хуэй Сяобао снова привел меня в ту самую знакомую залу. Там меня уже ждали Шестой господин Ху и двое старейшин из семейства Хуэй.

Увидев такую торжественную картину, я невольно занервничал. С чего бы им звать меня без предупреждения? Неужели они прознали, что я провалил экзамены, и решили подготовить меня к удару?

От этих мыслей сердце у меня ушло в пятки и бешено заколотилось.

«Неужели все кончено? — пронеслась в голове паническая мысль. — Сейчас они скажут:

извини, парень, но в вуз ты не поступил. Если очень хочется — соберись с силами и попробуй на следующий год».

— Давненько не виделись, Дачуань. А ты, я погляжу, совсем забросил тренировки, — заговорил Шестой господин Ху.

Старик обладал невероятной проницательностью: ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что за этот год я почти не уделял времени практике.

— Я... я весь был в учебе, к экзаменам готовился, да и сил под конец совсем не осталось, вот и запустил занятия, — промямлил я.

Они ведь от чистого сердца поделились со мной тайным заклинанием очищения разума, проявив ко мне глубокое уважение. Я же в последнее время и впрямь слишком расслабился, поэтому сейчас сгорал от стыда.

Перед Шестым господином Ху я чувствовал себя напроказившим мальчишкой.

— Ну да ладно. Это были лишь основы, так что не беда, — успокоил меня Шестой господин Ху, но от его мягкости мне стало только хуже.

В душе поднялась волна раскаяния. Я не знал, как загладить вину, но твердо решил про себя: от слов перейду к делу. Если им когда-нибудь понадобится моя помощь, я расшибусь в лепешку, но выполню все в лучшем виде.

— Мы с братьями Хуэй не раз изучали твои восемь иероглифов судьбы, — продолжил Шестой господин Ху. — Но некоторые линии твоей судьбы никак не поддавались толкованию, поэтому мы не спешили делиться выводами. Недавно я встретил Великого предка Ху и попросил его пролить свет на твою долю. Теперь я могу открыть тебе правду.

Имя Великого предка Ху на нашем Северо-Востоке гремело повсюду. Это величайший дух-покровитель, чьи изображения я с детства видел в домах соседей — обычно его фигуру ставили рядом с Великой предводительницей Ху и подносили им дары.

В нашей семье алтаря не было, но вот у двоюродной бабушки он стоял.

Благодаря рассказам Хуэй Сяобао, которые я слушал перед сном еще в начальной школе, я уже догадывался, что бабуля была настоящим шаманом-практиком и держала собственный алтарь.

Но неужели мою судьбу так сложно разгадать? И почему они вернулись к этому разговору спустя столько лет?

— Ну и ну, малец! А ты у нас непрост, — подал голос Старший господин Хуэй, родной дед Хуэй Сяобао.

Мы виделись с ним пару раз за последние годы, и он всегда казался мне на редкость добродушным стариком.

— Ты ведь праведник девяти воплощений! Если и в этой жизни продолжишь вершить благие дела, то сможешь обрести бессмертие прямо во плоти.

Праведник девяти воплощений? Это значит, что во всех прошлых жизнях я был исключительно хорошим человеком? Что ж, звучит неплохо.

Тогда я был всего лишь наивным выпускником школы и не ведал, насколько жесток этот мир. Мне казалось, что творить добро — дело нехитрое, а злодеи встречаются редко. Прожить несколько жизней, не запятнав душу грехом, казалось мне вполне выполнимой задачей.

Одно оставалось непонятным: почему уважаемые старейшины выглядят такими взволнованными и ради чего они зазвали меня сюда, вместо того чтобы передать новость через Хуэй Сяобао?

Для меня, едва оперившегося юнца, звание праведника девяти воплощений казалось чем-то обычным. А все потому, что я не представлял, какой ценой оно дается. Что же это означает на самом деле?

Например, если в первой жизни ты по воле судьбы оставался праведником, то после смерти чиновники подземного мира, завидев сияние твоих заслуг, отправляли твою душу на перерождение в благополучное место.

Во втором воплощении ты рождался как минимум в достатке. А сытый человек, как известно, легче внимает голосу совести и реже опускается до бесчестия. В таком благодатном круговороте вполне можно продержаться девять жизней подряд.

Но эту цепь нельзя прерывать. Стоит оступиться хоть раз — и все придется начинать заново.

И все же, как ни крути, участь праведника девяти воплощений виделась мне делом хорошим. Вот только на лицах моих невидимых собеседников лежала тень тревоги. Я не понимал ее причин, но догадывался: самое важное мне скажут прямо сейчас.

— Быть праведником девяти воплощений — великий дар, — вздохнул Шестой господин Ху. — Да только беда в том, что во всех прошлых жизнях ты по разным причинам не доживал до двадцати лет. Из-за этого в твоей груди скопилась тяжелая, удушливая энергия невысказанной обиды. Она-то и сделает твой нынешний жизненный путь невероятно тернистым.

Что? Не доживал до двадцати? Вот так новость! Мне ведь уже восемнадцать стукнуло. Получается, мне осталось от силы два года спокойной жизни?

«Два года? — у меня внутри все похолодело. — Да вы издеваетесь! Я только-только школу закончил, даже диплом получить не успею! Смертный приговор в восемнадцать лет — это уже чересчур».

— Шестой господин Ху, а почему я не доживал до двадцати? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— В нескольких жизнях ты погибал, спасая чужие жизни, — это пошло тебе в зачет как великая добродетель, — принялся объяснять Третий господин Хуэй. — В других воплощениях тебя скашивала болезнь, тут уж ничего нельзя было поделать. И пускай ты умирал молодым, Преисподняя щедро вознаграждала твою душу заслугами, отправляя в следующее рождение к богачам.

Тут на лице Третьего господина Хуэй отразилось крайнее недоумение.

— Но вот парадокс: в какие бы богатые семьи ты ни попадал, их всегда ждал трагический финал. То из-за чужой алчности, то из-за борьбы за власть весь ваш род вырезали под корень. Пусть ты и рождался в роскоши, счастья тебе это не приносило.

«Ну и богатство, — подумал я. — Да лучше бы это была простая, крепкая семья среднего достатка. Глядишь, и прожил бы дольше».

— Да уж, знатные дома... — вслух озвучил я свои невеселые мысли. — Уж лучше жить скромно, зато долго.

Третий господин Хуэй, который всегда благоволил мне за то, что когда-то давно я спас его правнуков из мышеловки, сочувственно кивнул:

— И то верно.

— На эту жизнь я тоже составил предсказание, — подал голос Шестой господин Ху. — Семья у тебя крепкая, достаток средний. Век твой должен быть долгим — семьдесят два года. Юность выдалась непростой, но в зрелые годы судьба выровняется. В тридцать лет над твоей головой взойдет звезда таланта, в сорок ты достигнешь пика карьеры, а старость встретишь в почете и покое.

Я облегченно кивнул. Отличный расклад. Мои дедушки и бабушки и до восьмидесяти не дотянули, так что семьдесят два года — вполне приличный срок.

— Но из-за той самой удушливой энергии обиды в двадцать лет тебя ждет страшное испытание.

И если ты не сумеешь его преодолеть... — Шестой господин Ху замолчал, но продолжения и не требовалось.

Я и сам все понял. Все эти радужные перспективы станут реальностью только в том случае, если я переживу двадцатилетие. Иначе грош им цена.

— Мы знали, что в двадцать лет над тобой нависнет смертельная угроза, и пытались отвести беду заранее, — со вздохом добавил Третий господин Хуэй. — Да только успели сделать лишь половину дела — наши силы иссякли. Поначалу мы думали, что этого хватит, чтобы смягчить удар: ты бы отделался малой кровью, ну, может, лишился бы половины жизненных сил или остался калекой, но выжил бы. Однако недавно я наведалься в Преисподнюю и заглянул в Книгу судеб. Твоя запись не изменилась. В двадцать лет тебя по-прежнему ждет непреодолимая преграда, которую почти невозможно обойти.

«Калекой? Половину жизни потерять? — беззвучно вопил я от ужаса. — Да это же сущий кошмар!»

Но вслух я, конечно, ничего такого не сказал. Старейшинам нужно было выказать почтение — они ведь действительно старались ради меня, пусть даже латать мою судьбу пришлось вслепую. В конце концов, худой мир лучше доброй ссоры, а жизнь — штука ценная, даже если от нее останется половина.

— Послушай, Дачуань, — заговорщически прищурился Третий господин Хуэй, и на его лице появилась лукавая улыбка, из-за которой он стал похож на уличного торговца, замышляющего обпоить наивного простака. — Есть у меня одна идея... Своеобразная, конечно, но попробовать стоит. Как думаешь?

— Излагайте, дедушка, — ухватился я за соломинку. — В нашем положении выбирать не приходится. Любой выход лучше, чем его отсутствие.

Раз уж дело пахло керосином, я приготовился внимательно слушать, решив действовать по принципу «на безрыбье и рак рыба».

— А что, если тебе принять этот путь? — предложил старик. — Станешь шаманом-практиком под началом Шестого господина Ху. Мы выделим тебе в помощь толковых духов-вестников из числа лучших бойцов, так что прорвемся. С ними ты точно не пропадешь.

Я захлопал глазами, пытаясь переварить услышанное. Как разговор вообще свернул на шаманство? Я ведь без пяти минут студент высшего учебного заведения! Если я подамся в шаманы, то стану, пожалуй, самым дипломированным специалистом во всей округе.

— Но ведь Сяобао и так всегда со мной? — растерянно спросил я.

— Это совсем другое, — покачал головой старейшина. — Сейчас он может разве что отваживать от тебя мелкие неприятности, не более того. Сяобао — земной бессмертный, прошедший долгий путь самосовершенствования. Ему строго-настрого запрещено без нужды вмешиваться в дела смертных и являться в мире людей.

Я не слишком разбирался в тонкостях их законов, но понимал, что Третий господин Хуэй не лжет. Видимо, у обитателей тонкого мира тоже есть свой устав и за его нарушение карают не хуже, чем в человеческой тюрьме.

— Но мне ведь скоро уезжать на учебу, — засомневался я. — К тому же я слышал, что шаманы-практики не могут покидать пределы Северо-Востока.

— Об этом не беспокойся, — улыбнулся Шестой господин Ху. — Мне остался всего один шаг до официального признания на Небесах. Мой алтарь — Императорский, признанный высшими силами. Это государственная служба, малец! Что-то вроде должности императорского ревизора в стародавние времена. Моему влиянию никакие границы не помеха.

— То есть от меня потребуется просто делать добрые дела? — осторожно уточнил я. — И никаких странных обрядов? Мне не придется сидеть безвылазно дома, жечь благовония и притворяться безумным прорицателем?

— Твое дело — разбираться с запутанными историями да исцелять страждущих. Мы ведь в основном нечисть истребляем. Послушай, парень, ты ведь с малых лет грезил о подвигах? Истребление демонов — самое что ни на есть рыцарское занятие. Неужто не хочешь попробовать себя в роли благородного воина?

Этот вопрос Третьего господина Хуэй попал в самую точку, разбередив мои детские мечты о приключениях. Заметив, что я заколебался, старик поспешил закрепить успех:

— К тому же духовные заслуги на дороге не валяются. Я слышал, нынче многие даосы, буддийские монахи и мастера метафизики вовсю сотрудничают с властями. Берутся за дела, которые обычным людям не под силу. За это им даже официальный статус госслужащих дают, да еще и жалованье платят исправно каждый месяц. Все официально, комар носа не подточит.

Ого! Выходит, теперь даже за борьбу с нечистью можно получать государственную зарплату? Ну и времена пошли!

Сомнений больше не оставалось. Раз уж само государство дает добро, надо брать.

— Я согласен! — выпалил я.